

ИЮНЬ

[Начало июня 1904 г.]

МЁРТВАЯ ПЕТЛЯ

Умерла в Париже художница Иванова; покончила с собою с голоду. Умерла не мрачная истеричка, а свежий, влюбленный в работу, способный человек, так описывает покойную г. Яковлев, в своём парижском дневнике.

Повеситься на мольберте. Как страшно! Как ужасна должна быть такая весть для художников! Пусть скажут, что это обыкновенный случай, ничего не доказывающий, но в нем есть лишний удар страшного маятника, ещё одно приближение к холодающей догадке.

Жутко становится заглянуть в повседневную жизнь искусства! Если трудна жизнь во всех видах её, то часть жизни в искусстве - труднейшая. Разные потрясающие факты всегда были, всегда будут, но к последнему времени в искусстве их вырастает чрезмерно. С каждым днём множатся ряды людей самых разнообразных и по дарованию, и по стремлению, у которых вместо жажды искусства один только сверлящий голод хлеба. В оценке художественного труда нарастают случаи самые маловероятные. Нет такой безобразной цены, работать за которую не нашлось бы художника даже с высшим образованием. За 10 рублей пишутся в натуру портреты, за рубли иконы, за копейки иллюстрации и проекты, да ещё под всякими поправками давальца. И как быстро такое положение растёт! Какой незаметной каплей растворяет в себе поддержку правительства и любителей...

Художественные школы множатся, положение и значение так называемой художественной промышленности по-прежнему остаётся какое-то нелепое, невыясненное, и куда же идут сотни и тысячи "соблазненных" в сих школах? Угрюмая, закованная фаланга волочится, цепляясь друг за друга... Смутна их отправная точка, ещё смутнее вдали. И подпихивает их толпа, и чем больше несчастных в искусстве, тем самодовольнее толпа, и ещё более ненужными кажутся ей эти странные искатели искусства, толкующие о чём-то прекрасном.

Твёрдо знает толпа, что искусство - забава. Любители искусства в её глазах граничат с чудаками... И что нам красота? Ищем ли её в нашей жизни? Умеем ли мы хотя бы из приличия уважать стремления и поиски красоты? Красота, модность, дороговизна - что же значительнее, что милее для нас? Уже обращается источник духа живого в канву с тухлою тиной, которую, пожалуй, не худо и засыпать.

Нехорошее в искусстве творится! Нет уважения к искусству. И не видно улучшения; о холодную скалу бьётся всё, что хотело бы изменить положение искусства у нас, и стыдно признаться, что ещё деды наши в понимании искусства были куда дальше, нежели мы.

В этом несчастье искусства можно винить академии, можно винить общества и кружки, наконец, самих художников, критику, публику... Всех, от мала до велика, можно винить... Виноваты все, - виноваты как члены государства,

человечества; виноваты в том, что утратили значение искусства, забыли, с чем всегда сочетался расцвет художественной жизни, забыли, что на голом раскалённом железе трава не вырастет и на льду цветы не цветут.

Страшная мёртвая петля захлестнулась в общем сознании искусства и затягивается и душит художников. Это очень большой вопрос. Но за него пора взяться. Надо его исследовать без боязни правды.

Н. Перих

Новое время, 1904. 9/22 июня. № 10154. С. 4

Черновой вариант очерка хранится в Отделе рукописей ГТГ:

**Смерть художника
Мёртвая петля**

Умерла в Париже художница Иванова. Умерла, покончила с собою с голоду. Умерла не мрачная истеричка, а свежий, влюблённый в работу способный человек - так описывает покойную сегодня г. Яковлев.

Как страшно! Как страшна и как близка эта весть должна быть всем художникам. Обыденный случай, скажем, но в нём есть лишний удар ужасного маятника, как бы лишнее приближение к холодающей догадке.

Вспоминаются бесчисленные ряды молодых и пожилых людей - художников, у которых сверлит вместо жажды искусства - сознание "есть".

Растёт число невероятных случаев в оценке художника труда С художественным образованием люди пишут портреты за несколько рублей, чуть не за копейки делают иллюстрации, иконы, этюды. Продать этюд за стоимость рамы, потворствовать всем поправкам <давальца>, бежать за версты на грошовый урок - как это часто. Как это растёт и множится. Какой незаметной каплей растворяет в себе немногие стипендии, ссуды и поддержки любителей. Растёт народ, множатся художественные школы, переполняются они новыми сотнями молодых людей и в безмерной пропорции являются новые бесчисленные случаи несчастья в искусстве. Хватаясь друг за друга тянут, кроме очень немногих, художники общий уровень к низу и подпихивает их самодовольная толпа, и становится она судьёю искусства, и чем больше несчастных, тем самодовольнее толпа, тем властнее она и тем жалче и ненужнее, в глазах её художники - носители странного и ненужного дела, толкующие о чем-то красивом.

Толпа твёрдо усвоила, что искусство забава. Любители искусства в её глазах граничат с чудаками. И что нам красота? Ищем ли её в нашей жизни? Красота, модность или дороговизна, что значительнее, что милее для нас? Если на Шипке искусства и спокойно, не подумаем же что там все хорошо. В искусстве холодно и страшно.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/42, л. 25.; ОР ГТГ, ф. 44/67, л. 1.

7 июня 1904 г. Ярославская губерния.

Летние экскурсии художников.

В текущем году большинство столичных художников отправилось на этюды на север и в губернии, соприкасающиеся с Петербургской. Художники В.С. Степанов, А.И. Творожников, П.Е. Мясоедов, Билибин и другие отправились в Псковскую и Новгородскую губернии с целью зарисовывания памятников старины. Художник Н.К. Рерих 7 июня отправился с той же целью в Ярославскую губернию.

Русь. 1904. 9/22 июня № 176.

18 июня 1904 г. Мюнхен.

Письмо Н. Столыпина к Нечаеву-Мальцову Ю.С.

Российско-ИМПЕРАТОРСКАЯ
Миссия в Мюнхене

18 Июня/1 Июля 1904г.

Многоуважаемый Юрий Степанович.

Обер Церемонийместер Баварского Двора, Граф Мой (M-r le Comte de Mou), в качестве председателя здешнего Kunstverein`а, обратился ко мне с просьбою узнать конфиденциальным образом, представляется ли возможным устройство в Мюнхене в будущем году выставки картин кисти Верещагина. Раньше чем ходатайствовать об этом официально через Баварского Посланника, он хотел бы получить уверенность в осуществимости этого предприятия.

Ввиду интереса предъявляемого Вашим Превосходительством к вопросам искусства вообще, и ввиду близких отношений Ваших с обществом поощрения художеств, смею надеяться, что Вашему Превосходительству благоугодно будет благоволить снабдить меня некоторыми указаниями, каковые не премину довести до сведения Графа Мой.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою.

Н. Столыпин.

1-ый Секретарь Миссии в Мюнхене.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1337, 2л.

20 Июня 1904 г. СПб.

Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху.

20 Июня 1904 г.

Дорогой Николай Константинович!

К сожалению, таинственный автор - не я. Но мне очень приятно, что Вы подумали обо мне, потому что его статья Вам пришлась по сердцу. Не имея никаких связей с Нов[ым] Времен[ем], я не мог узнать, будет ли напечатано

Ваше «дополнение». Во всяком случае, надеюсь прочесть, когда вернусь домой из путешествия. Я уезжаю сегодня, на Вену и дальше в красавицу Испанию или, вернее, к красавицам Испании... какой контраст после милой, но убогой нашей родины без солнца и красок! Впрочем, меня больше всего туда манят не солнце, не краски, и даже не красавицы, а картины. Я хочу, как следует, понять путь от Веласкеса. Чувствую, что замечтаюсь в Прадо. Увидимся осенью, наговоримся.

Нарисуйте что-нибудь по части графики для «журнала». <... Сергеевич> просил меня и от себя напомнить Вам. Кстати, в будущем году собираюсь посвятить Вашим произведениям целый номер. Ну, уж тогда, как хотите, а заглавный лист доставьте!

Крепко жму Вашу руку.

Пожалуйста, передайте от меня низкий поклон Вашей жене.

Ваш *Сергей Маковский*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/940, 2 л.

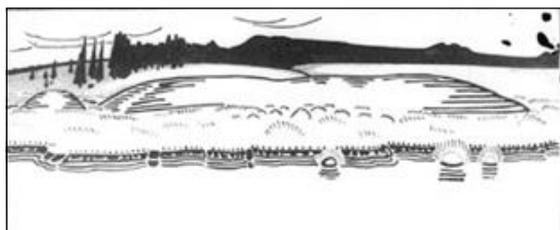
ХРОНИКА

Петербургский обозреватель

ЭСКИЗЫ И КРОКИ

Мне пишут из Валдайского уезда, что туда приехал секретарь Общества поощрения художеств Н. К. Рерих и князь П. А. Путятин с целью производства археологических изысканий, и нашли на берегах озера огромное количество орудий каменного века. Между ними есть превосходные экземпляры кремнёвых стрел, скребков и ножей и разнообразные образцы гончарства. С исследователями, между прочим, случилась весьма курьёзная история. Местные крестьяне приняли их... за японцев, производящих «разведки»... На объяснения помещика, вступившего в защиту исследователей, крестьяне ответили: «Смотри, как бы против батюшки-царя не ошибиться»... Несмотря на все объяснения, успокоившиеся крестьяне всё-таки расспрашивали исследователей: для «военного ли дела» разыскивают они кремнёвые стрелки, и советовали для военных окопов рыть траншеи глубже...

Петербургском газете. 1904. 21 июня. № 169.

Н. Перих

Старина на Руси

I

Приятно делиться впечатлениями старины с лицами, сочувствующими этому делу, но обращаться и апеллировать к общественному мнению пока ещё у нас является занятием совершенно бесплодным.

Мы признали значительность и научность старины; мы поучили пропись стилей; мы даже постеснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28 000 рублей для слома чудный Ростовский Кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было ещё на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всей Руси¹.

И ничего больше нашему благополучному существованию не нужно; и ни какого места, по-прежнему, в жизни нашей старина не занимает. По-прежнему далеки мы от сознания, что общегосударственное, всенародное дело должно держаться всею землёю, вне казённых сумм, помимо обязательных постановлений.

Правда, есть и у нас немногие исключительные люди, которые, под гнётом и насмешками «сплочённого большинства», всё же искренно любят старину и работают в её пользу, но таких людей мало, и все усилия их только кое-как удерживают равновесие, а о поступательном движении нельзя ещё и думать.

А между тем, в отношении древности мы переживаем сейчас очень важное время. У нас уже немного остаётся памятников доброй сохранности, не тронутых неумелым подновлением, да и те как-то дружно запросили поддержки. То оказывается неблагополучным Спас в Нередице, то даёт трещины Иван Предтеча ярославский, то бедствуют смоленские стены, - и не перечесть всех несчастий, да всё с такими первостатейными памятниками. Кстати заметить, о необходимости поддержания высокохудожественного Спаса в Нередице мой голос в печати был едва ли не первым в 1899 году. Теперь слышу, что мечтания оправдываются, - Спас будут реставрировать. Но с каких дел должно начаться это подновление? Прежде всего, Спаса обезглавят; вместо прежней главы на вековые плечи Спаса оденут чистенький медный котелок византийского фасона... Какой ужас! Конечно, эта реставрация могла бы быть целесообразною, и новая глава имела бы не только старые формы, но и старое впечатление, чтобы не нарушилось общее обаяние старины, которое, несомненно, веет теперь над этим уголком; но на это ли надеяться... этого ли ждать? И ужаснутся мужи новгородские, когда на любимом, свято чтимом Спасе засверкает новенький котелок.

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадёшь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадёжных фундаментах. Кроме того, ещё и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать

¹ Имена Вахрамеева, Титова и Шлякова, проявивших в деле восстановления Кремля благородную инициативу, должны быть почтенны для всякого русского.

рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить; хочется смотреть на них, как на гнилой пережиток. Такое явное искаительство должно вымереть само, грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам полюбить старину, и гораздо нужнее теперь говорить о хорошем художественном отношении к памятникам.

Спас в Нередице до (слева) и после реставрации (справа).

Пусть стоят они не величавыми покойниками, точно иссохшие останки, когда-то грозные, а теперь никому не страшные, ненужные, по углам соборных подземелий; пусть памятники не пугают нас, но живут и веют на нас чем-то далёким, может быть и лучшим.

Минувшим летом мне довелось увидеть много нашей исконной старины и мало любви вокруг неё.

Последовательно прошла передо мною московщина-смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мёртвыми.

Что же мы видим около старины?

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными берёзками и кустарником; величавые, полные романтического блеска соборы задавлены кольцом жидовских хибарок. Всё потеряло свою жизненность; заботливо оставленный дедовский кабинет обратился в пыльную кладовую хлама. И стоят памятники, окружённые врагами снаружи и внутри. Кому не даёт спать на диво обожжённый кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев; кому мешает стена проложить конку; кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариною. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберёшься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (не реставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали её композицию, её малейшие чёрточки и детали, и как ещё мало мы чувствуем общую красоту её, т. е. самое главное. Как скудно мы сознаём, что перед нами не странная работа грубых богомазов, а превосходнейшая стенопись.

Осмотрите в храмах ростовских и ярославских, особенно у Ивана Предтечи в Толчкове. Какие чудеснейшие сочетания! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивейшею охрою! Как легка изумрудно-серая зелень, и как у места к ней красноватые и коричневые одежды! По тепловатому светлому фону летят грозные архангелы с густыми жёлтыми сияниями, а их белые хитоны чуть холоднее фонов. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрою. Стены — это тончайший бархат, достойный одевать дом Божий. И ласкает и нежит вас внутренность храма, и лучше здесь молитва, нежели в золоте и серебре. Посмотрите теперь, как художники сумели использовать всю живописную плоскость. Чего только ни понаписали они, - понаписали непосредственно, с верою в своё дело.

Привести в гармонию такие большие площади, справиться с такими сложнейшими сочинениями, как, например, страшный суд у Спаса на Сенях в Ростове, могут только даровитейшие люди. Много надо иметь вкуса, чтобы связать картину таким прекрасным орнаментом. Всё это так значительно, стоит так высоко. Недаром же лучшие реставраторы в сильнейших своих местах могут лишь приблизиться к цельности старой работы, и то редко: всё больше остаются позади её.

Между прочим, в Ростове мне пришлось познакомиться с молодым художником-иконописцем г. Лопаковым и случилось пожалеть, что до сих пор этому талантливому человеку не приходится доказать своё чутьё и умение на большой реставрационной работе. Способный иконописец - и сидит без дела, и около старых икон толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежащие запрещению касаться святых ликов, - которых в старое время отсылали с Москвы подальше.

Проездом через Ярославль слышно было, что предстоит ремонт Ивана Предтечи: следует поправить трещины. Но страшно, если, заделывая их, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревым фонам и по бархатной мураве. Получится варварское дело, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени².

Мало мы ещё ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьёзы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных человеках, отправленных суровым художником в ад на Страшном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхождении форм орнамента, о многом будут говорить, но - ничего о живописной красоте, - о том, чем живо всё остальное.

За последнее время к нам много проникает японского искусства этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движением, с их несравненными бархатными тонами.

² Недавно я узнал, что это дело в руках Археологической комиссии, и живопись храма останется неприкосновенна. Слава Богу

Для дела всё равно, как именно, лишь бы идти достойным путём; может быть, через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмотрим не скучным взором археолога, а тёплым взглядом любви и восторга.

Почти для всего у нас фатальная дорога «через границу»; может быть, и здесь не миновать общей судьбы.

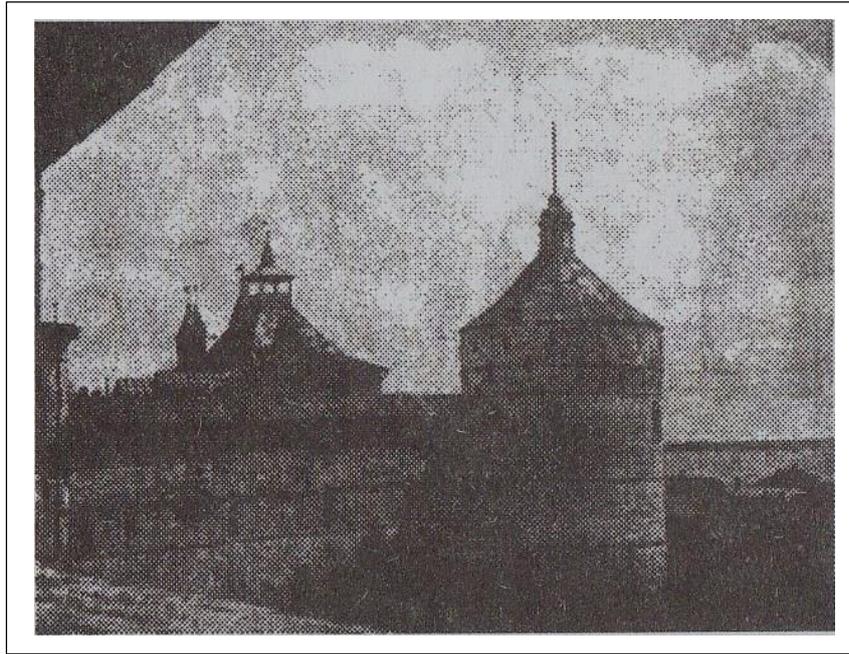
Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь: «Какая красивая жизнь была; какие сильные люди жили ею; как жизненно и близко всем было искусство, не то, что теперь, - ненужная игрушка для огромного большинства». Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет. И добро бы в частных домах, а то и в музеях, и во всех общественных учреждениях, где не пауки и сырость должны расцвечать плафоны и стены, но живопись лучших художников, вдохновляемых широким размахом задачи. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую из его рук, настолько теперь процветают нелепый штамп и опошленная форма. Всё вперёд идёт.

Продолжение следует.

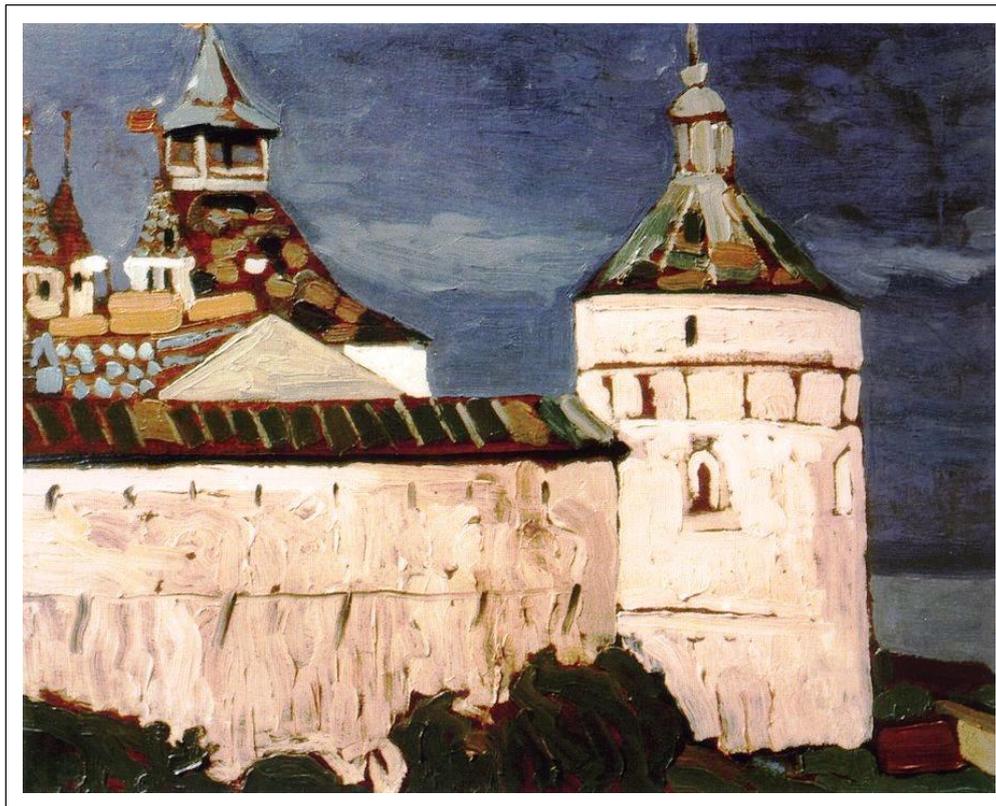
Зодчий. 1904. 27 июня. № 26. С. 299~301; помещены ч/б фото: с. 299 - Терема в Ростове Великом; с. 300 - Ростов Великий. Терема Кремлёвские; Дверь в старой церкви на Ишне под Ростовом; с. 301 - Церковь на Ишне под Ростовом; Церковь Николая Мокрого в Ярославле. Внутренности испорчена безобразным подновлением.

Терема в Ростове Великом. Открытка начала 20-го в.

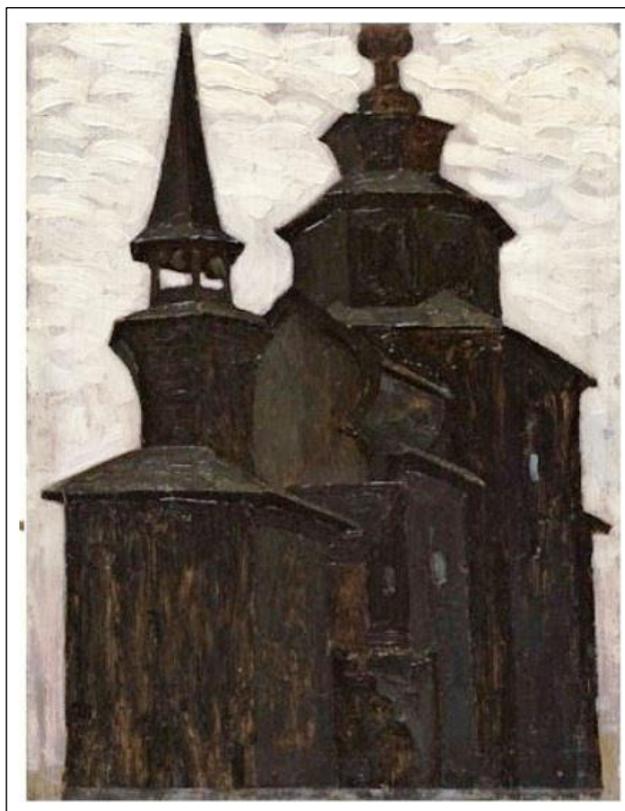
Ростов Великий. Терема Кремлёвские. Фотография.

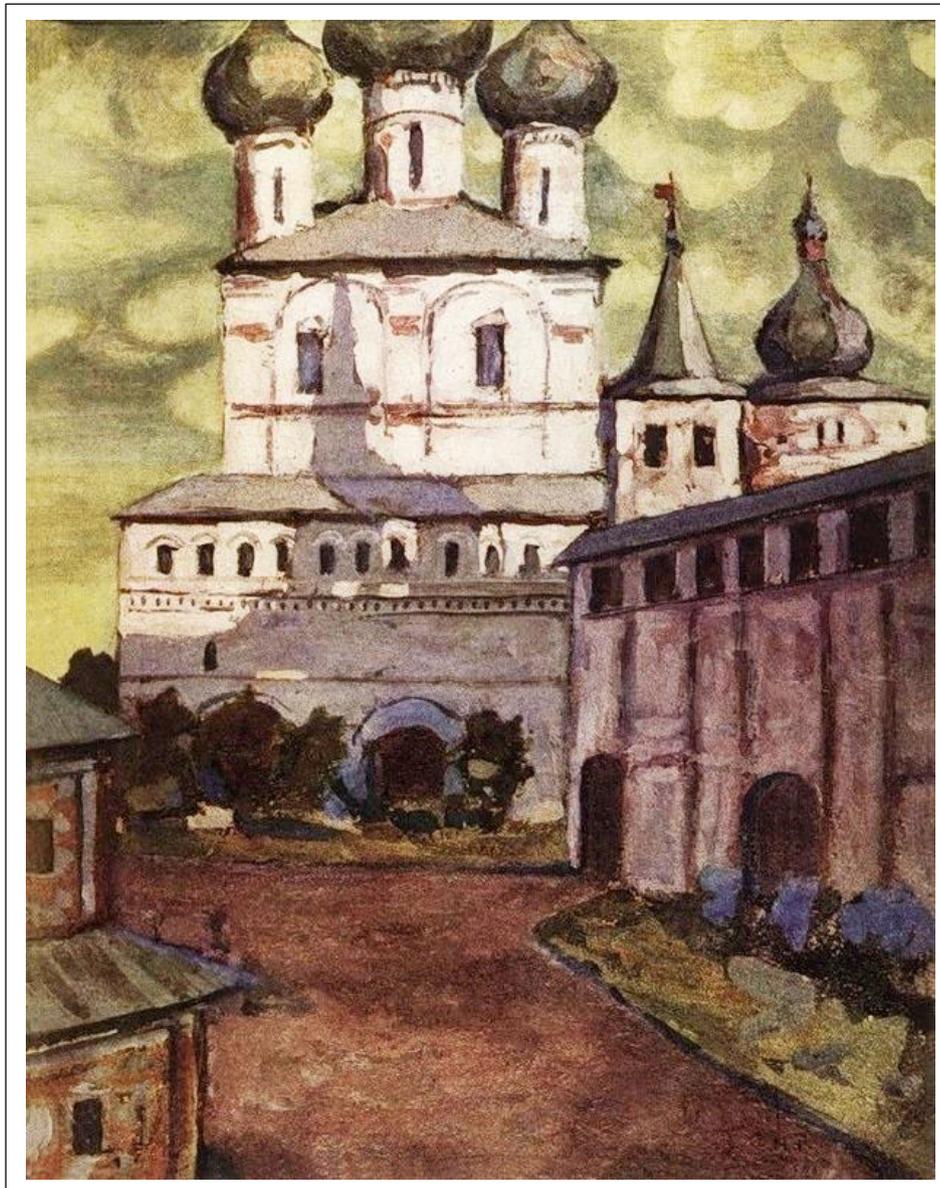
Н.К. Рерих. Ростов Великий. Князьи терема. 1903.

Церковь на Ишне под Ростовом. Фотография.

Н.К. Рерих. Ростов Великий. Церковь на Ишне. 1903.

Н.К. Рерих. Ростов Великий. Церковь Иоанна Богослова. 1903.

Надумал картину - постройка храма белокаменного. На этих барках возят белую плиту...»

Н.К. Рерих. 1904. Строят храм.
(Ч/б. воспроизведение)

[30 Июня 1904 г. Тверь]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой Мисик.

Вот ужас-то! Всё-таки нашёл пароход выехать сегодня в час ночи ("Надежда"), а всё-таки в Угличе буду только завтра 1-го в 9 час. вечера.

Ну не гадость ли? Для того чтобы отъехать сотни 3 вёрст – надо 2 суток, ну мыслимы ли тут путешествия. 4 суток на один путь – чёрт знает что такое. Тверь скверный неоткровенно-провинциальный город. Какие типы по улицам бродят! *Написал один этюд - разноцветных барок у пристани.*

Надумал картину - постройка храма белокаменного. На этих барках возят белую плиту.

Купил фунт вишен и ф. пряников. С трудом разменял билет. В Государств. Кассе не принимают. Еле-еле в частной за 91 р. 42 коп. (с %). Этакое свиньи. Билет до Углича около 4 р.

Что же это такое, этак на работу в Угличе и в Калязине по одному дню приходится, если 6 дней пробыть.

Думал записывать все расходы, да не стоит – от этого денег не прибавится. Хочу послать ещё сегодня вечером эту записку, а то завтра весь день не придётся послать.

Спросил осетрину – и очень невкусная. Раков нет.

Мисенька мой трогательный, Мисик мой хороший, я всё о Тебе думаю, о самом моём дорогом в беленьком домике. Всех целую.

Опять булгыи на мостовой. Ободранные извозчики. Клячи. Грохот. Звон электрич. трамвая – помнишь в прошлом году?

[До Твери..... 2 р. 81 к.

Якову..... 1 р.

Пондл. 20 к. - перечёркнуто - ред.]

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/398, 2 л.

Юрик с няней в Берёзке. 1904.

30 [Июня. 1904 г.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

30-го. 10 час. 10 мин.

Милый, дорогой мой.

Сейчас сел в вагон. Места много. Видел из поезда Берёзку и белый домик, где живёт Мисик родной мой, и охотник, и чага, чага и охотник. Ужасно жалко, что моего трогательного Мися нет со мною. Очень тряско писать. Буду писать подробнее – чтобы у Тебя полнее было впечатление о <Щепке>. Постараюсь поработать побольше.

Проехал Волочек. От нас меньше 40 минут. Неинтересное место. Ехать не стоит. Погода чудная.

С вокзала в Твери.

Приехал в 2 часа. А пароходы идут только утром, придётся в Твери ночевать.

Истрачено

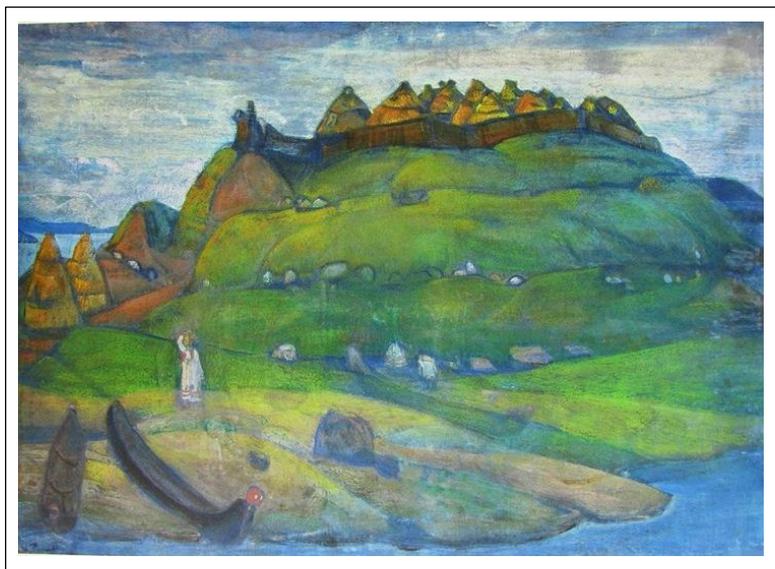
2 р. 81 к. ... билет
1 р.Якову
1 р. 50 ...еда в Твери
10газета
20 к. [неразборчиво]
20пряник

Князь, верно, на станции пряники покупает их много здесь.
Какая досада, целый день пропадает. Осмотрю Тверь.
Целую крепко, крепко. Вот кабы Мисик был, и не скучно было бы. Одному
даже странно как-то.

Н. Р.

Еду на пароходе. Нельзя ли переночевать там? А то гостиница – это куча
денег.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/437, 2 л.

Н.К. Рерих. Древнее городище (Славянская деревня). 1900-е.

Зодчий. 1904. 11 июля. № 28.

Н. Рерих

Старина на Руси

II

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвы, как музейные предметы. Не хорошо, если перед стариною в её жизненном виде является то же чувство, как в музее, где как в темнице, по остроумному замечанию де ла Сизеранна, заперты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы; где исключают друг друга священные, обиходные и военные предметы

насиленно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о древней жизни, о её характерности. И не будет этого лишь при одном, непереносимом условии:

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, тот ансамбль, в котором он красовался в былое время, хоть до некоторой степени возвратите. Не застраивайте памятника доходными домами, не заслоняйте его казармами и сараями, — и многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодёжи возможность смотреть памятники, и она наверное будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевавшему деду. После этого совсем иными покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшною необходимостью, которую требуется знать купно со всеми ужасами сухих соображений и сведений, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного. Не опасаясь педантичной суши, пойдёт молодёжь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнётся что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то, будто бы нужным. Само собою захочется знать всё, относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно: как завлекательную сказку, схватит всякий объяснения к старине.

Как это всё старо, и как всё это ещё ново! В лихорадочной работе куётся новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора — мышь. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, — исключениях, работы которых займут почётное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов с претензией на новый пошиб; в обиход проникают вещи странных форм, часто весьма мало пригодные для употребления. А памятники, наряду с природой, живые вдохновители и руководители стиля, заброшены, и пути к ним засорены сушью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишний мусор?

Насильственная стилизация природы, умышленное придумывание новых извивов формы, угловатая громоздкость не создают стиля.

Необъяснимая гармония жизни и инстинктивных стремлений, свежесть чувства, простота восприятия, начало с чего-то далёкого, а вместе с тем и близкого, — словом, в области общечеловеческих чувствований, во всей жизни, лежит настоящий стиль, а никак не в сознательном мудрствовании.

Летом я видел один уголок, почва которого может быть плодотворна для стиля. Спокойная, весёлая работа, изучение исконных народных творческих сил, целесообразные способы труда, наверное, отметят многим замечательным это место. Щедро рассыпанные образчики искусства, общая чистая, художественная атмосфера выведут многих талантливых людей из смоленского села Талашкина княгини М. К. Тенишевой, известной любительницы искусства. Я ехал туда уже подготовленный увидеть нечто значительное, но на деле впечатление оказалось сильнее. Вы видите, как ученики, местная молодёжь, работает с любовью, наряду со специальной техникой развивая и сторону композиции.

Сотнями и тысячами сходятся на работу в Талашкино жители окрестных сёл. Узнают они здесь новые мотивы украшений, научатся теперь уже забытым приёмам работы и далеко разнесут оздоровляющую струю непосредственного художества, проникающего во все тайники обиходной жизни. Это не пустые слова, и когда воочию видишь человека, могущего своими руками изготовить самим сочинённую вещь, начинаешь верить в хорошее, настоящее искусство, знакомое по работам мастеров былых времён.

Могут из предметов обихода исчезнуть аляповатость и тяжесть, будто бы так необходимые для русского стиля; цвета тканей и вышивок могут сделаться опять благородными и ласкающими. И нет тут «нового» стиля; здесь есть отборный музей, есть здесь природа, есть основные народные способы, есть тут прямой путь к бесконечному дальнейшему совершенствованию. И всё это в здоровых условиях, среди красивейшего смоленского пейзажа.

Вижу красивый теремок; вижу красильню, где варятся не ядовитые химические, скоро выцветающие комбинации, а травы, кора и коренья. Вижу типичную красильщицу - старуху мордовку в народном уборе, в котором каждая часть восходит за многие века. Полоскала она нитки на реке и несёт на коромысле мокрые пряди их, приятнейших густых тонов. Дай Бог селу Талашкину расти и развиваться. Не сомневаюсь, что дорога туда будет знакома многим, и среди художественных центров место его будет большое. Приятно сознавать, что иностранные художественные издания уже отвели должное внимание и по достоинству оценили это замечательное явление в русском художестве.

III

Такие уголки, как Талашкино, — настоящие устои национального развития мысли и искусства; сколько самобытности могут они пролить на обедневший ею народ русский. Только такие посева могут бороться с гармошкой, пиджаком и фуражкой и со всеми последствиями этих атрибутов. Где песни, где уборы, где вера в себя и в свою кормилицу землю?

В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общие указания погнали меня за 20 вёрст в село Торки и Шошково. В Шошкове оказалось ещё много старины. Во многих семьях ещё носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видеть тайное желание продать всё это, и не в силу нужды, а потому, что «эта старинная мода прошла уже».

Очень редко можно было найти семью, где бы был в употреблении весь старинный убор полностью.

— Не хотят, вишь, молодые-то старое одевать, — говорил старик-мужичок, покуда дочка пошла одеть на себя полный наряд.

Я начал убеждать собравшихся сельчан в красоте народных костюмов, что носить их не только не зазорно, но лучшие люди заботятся о поддержании национального костюма. Старик терпеливо выслушал меня, почесал в затылке и сделал совершенно справедливое замечание:

- Обветшала наша старина-то. Иной сарафан или повязка, хотя и старинные, да изорвались временем-то, - молодухам в дырках ходить и зазорно. И хотели бы поновить чем, а негде взять. Нынче так не делают, как в старину; может, конечно, оно и делают, да нам-то не достать, да и дорого, не под силу... У меня в дому ещё есть старина, а и то прикупать уже из-за Нижнего, из-за Костромы приходится, и всё-то дорожает. Так и проходит старинная мода.

Старик сказал правду: нечем поновлять нашу ветшающую старину. Отрвались мы от неё, ушли куда-то, - и все наши поновления кажутся на старине гнусными заплатами. Видел я попытки поновления старинных костюмов - в высшей степени неудачные. Если положить рядом прекрасную старинную парчу с дешёвой современной церковной парчю, если попробуете к чудной набойке с её ласковыми синими и бурными тонами приставить ситец или колленкор, да ещё из тех, которые специально делаются «для народа», — можно легко представить, какая безобразная какофония получается.

Современный городской эклектизм, конечно, прямо противоположен национализму; вместо ни к чему не приводящих попыток изобрести национальный костюм для горожан, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюм не надо придумывать; века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил всё необходимое для этого образа жизни; надо, чтобы в области сказаний отошли печальные факты, что священники сожигают древние кички, «ибо рогатым не подобает подходить к причастию». Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и пляске. Пусть растёт поэтичная старинная песнь, пусть струны балалаек вместо прекрасных народных мотивов не вызывают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек порусски, а то ведь ужасно сказать: в местностях, полных лучших образчиков старины, издавна славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах ещё можно встречать работы по образцам из «Нивы». При таких условиях разве сумеет народ для себя сделать что-нибудь красивое? Будет прочная почва, вырастет и доброе дерево. Все знают, сколько цельного и прекрасного сохранили в своём быту староверы. Где только живёт старина, там звучит много хорошего; живут там лучшие обычаи, мало там преступлений. Вот она, старина-то!

В том же Шошкове меня поразила церковь чистотою своих форм: совершенный XVII век. Между тем, узнаю, что только недавно справляли её столетие. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всем миром и нарочно хотели строить под старину. Сохраняется и приятная окраска церкви, белая с охрой, как на храмах Романова-Борисоглебска. Верные дети своего времени, крестьяне уже думают поновлять церковь, и внутренность её уже переписывается невероятными картинами в духе Дорэ. И нет мощного голоса, чтобы сказать им, какую несообразность они делают.

При такой росписи странно было подумать, что ещё деда этих самых крестьян мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно под старину. Положим, это было 100 лет назад.

Теперь же нас - культурнейших - ожидают совершенно иные картины. Несмотря на все запрещения, несмотря на опеку старины - комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены. Знаменитые Гедеминовский и Кейстутский замки в Троках пришли в совершенное разрушение. На целый этаж завалила рухнувшая башня стены замка Кейстута на острове. В замковой часовне была фресковая живопись, особенно интересная для нас тем, что, кажется, была византийского характера; от неё остались одни малозаметные

остатки, дни которых уже сочтены: из-под них внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замок в недалёком будущем кто-то хочет поддержать; трудно это сделать теперь, хоть бы не дать пищу дальнейшему разрушению. В Ковне мне передавали, что местный замок ещё не так давно возвышался стенами и башнями, а теперь от башни остаётся очень немного, а по фундаментам стен лепятся постройки. На каком основании, по какому праву появляются эти лачуги на государственной земле, неприкосновенной даже для общественных целей?

В Мерече на Немане я хотел видеть старинный дом, помнящий короля Владислава, а затем Петра Великого. По археологической карте дом этот значится существующим ещё в 1893 году, но теперь его уже нет; в 1896 году он перестроен до фундамента. Городская башня разобрана, а подле местечка торчит оглоданный остаток пограничного столба, ещё свидетеля магдебургского права города Мереча - теперь незначительного жидовского населения. Кое-где видна на столбе штукатурка, но строение его восстановить, уже невозможно.

На самом берегу Немана, в Веллонах и в Сапежишках есть древнейшие костёлы с первых времён христианства. В Ковне и в Кеданах есть, чудные старинные домики, а в особенности один, с фронтоном чистой готики. Пошли им Бог заботливую руку - сохранить подольше. Много по прекрасным берегам Немана старинных мест, беспомощно погибающих. Уже нечего там рассказать о великом Зниче, Гедимине, Кейстуте, о крыжаках, о всём интересном, что было в этих местах. Из-за Немана приходят громады песков, а защитника-леса уже нет, и лицо земли изменяется неузнаваемо.

На Изборских башнях кое-где ещё остаются следы узорчатой плитной кладки и рельефные, красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска?

Под толстыми плитными стенами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

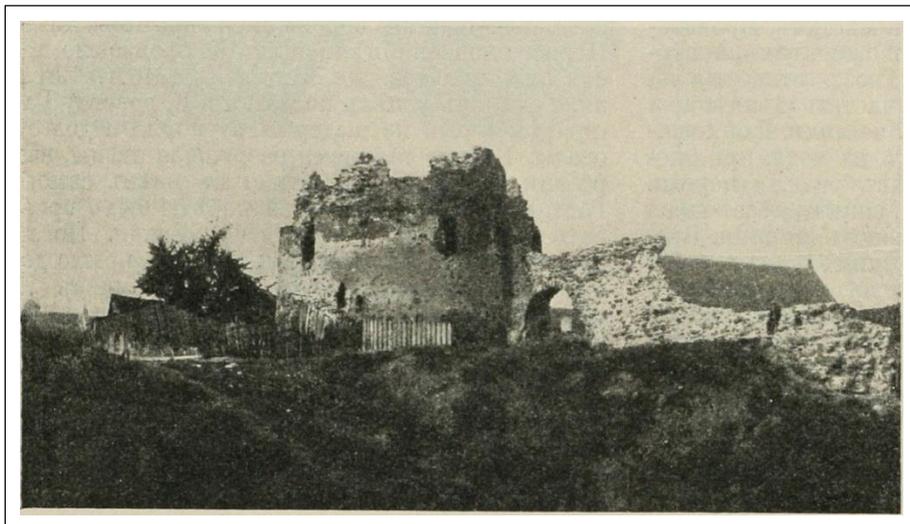
Знаменитый собор Юрьева-Польского, куда более интересный, нежели Дмитровский храм во Владимире, почти весь облеплен позднейшими скверными пристройками, безжалостно впившимися в сказочные рельефные украшения соборных стен. Когда-то эта красота очистится от грубых приделков, и кто выведет опять к жизни этот удивительный памятник?

Деревянная церковь на Ишне около Ростова - этот прекрасный образчик архитектуры северных церквей, живо переносащий в Олонецкую и Архангельскую губернии, теперь обносится шаблоннейшим заборчиком, вконец разбивающим впечатление тёмно-бурой церкви и кладбища с тонкими берёзами.

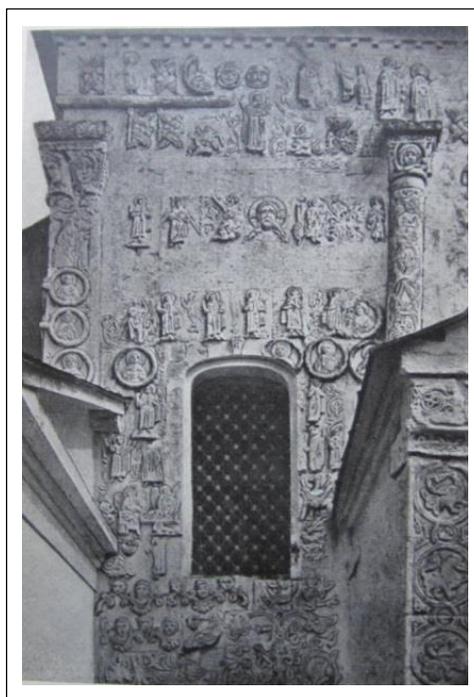
И не перечесть всего погибающего, но даже там, где мы сознательно хотим отстоять старину, и то получается нечто странное. После долгого боя отстояли красивые стены Смоленска, и теперь даже кладут заплатки на них, но зато из старинных валов, внизу из-под стен, вынимают песок. Я хотел бы ошибиться, но во время писания этюдов были видны свежие колеи около песочных выемок, а вместо бархатистых дёрновых валов и рвов, под стенами бесформенные груды песка и оползни дёрна, точно после злого вражеского погрома. Вот тебе и художественное общее, вот и исторический вид! И это около Смоленска, где песка и свободных косогулов не обнять и взглядом. Обыкновенно у нас принято всё валить на неумолимое время; но не время, а люди неумолимы, и время лишь идёт по стопам их, как точный исполнитель всех их желаний.

Вокруг наших памятников целые серии именных ошибок, и летописец мог бы составить любопытный синодик громких деятелей искажения старины. И это следовало бы сделать на память потомству.

Зодчий. 1904. 11 июля. № 28. С. 319~322; ч/б фото: с. 321 - Развалины замка в г. Ковно, застроенные заборами и домами; Часть украшений собора в Юрьеве-Польском; Башни в Смоленске (снизу вынимают песок).

Развалины замка в г. Ковно³, застроенные заборами и домами;
(Ч/б фотография начала 1900-х гг.)

Часть украшений собора в Юрьеве-Польском.
(Фотография Ф. Борцевского. 1903.)

³ Ковно (уст.) – совр. Каунас. – Ред.

Старина на Руси

IV

Несколько лет назад, описывая великий путь из варяг в греки, мне приходилось между прочим вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства»!

С тех пор я видел много древних городищ и урочищ, и ещё сильнее хочется сказать что-либо в их защиту.

Какие это славные места! Почему древние люди любили жить в таком приволье? Не только в стратегических и других соображениях тут дело, а широко жил и широко чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река и широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в синеющих, заманчивых даях. И гордо, «как сыр», светились на все стороны белые вежи. Если же приходилось древнему скрываться от постороннего глаза, то не знал он границы трущобности места; запирался он бездонными болотами, такими ломняками и буераками, что у нас и духу не хватит подумать осесть в таком углу.

Не знал предела в своих движениях древний человек, и дурное выходило у него, правда, отвратительным, но в хороших проявлениях он оставлял за собою памятники, достойные удивления всех веков, перед чем блекнут самые большие размахи нашего времени, несмотря на все, готовые к услугам, арматуры. Подле существующих городов часто указывают древнее городище, и всегда оно кажется гораздо красивее расположенным, нежели позднейший город. Знал легендарный Трувор, где сесть под Изборском - у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенёсшие городок на гору Жераву. Городище под Новгородом по месту гораздо красивее положения самого города. Рубленый город Ярославля, места Гродненского, Виленского, Венденского и других старых замков – лучшие места по всей окрестности.

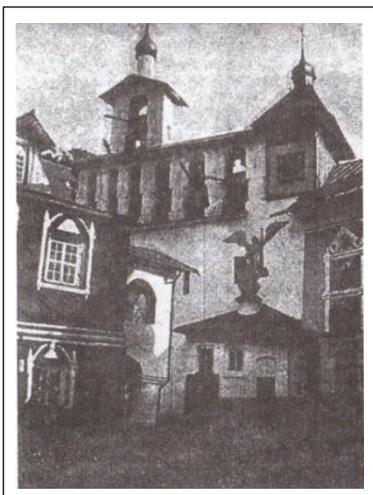
Какова же судьба городищ? Цельные, высокие места мешают нам не меньше памятников. Если их не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти как песок. Ещё недавно видел я красивейший Городец на Саре под Ростовом, весь искалеченный вывозкою песка и камня. Вместо чудного места, куда бывало съезжался весь Ростов, — ужас и разоренье, над которым искренно заплакал бы Джон Рёскин.

Если красота, если инстинкт не трогают жестокосердных, то хоть к собственной выгоде не губили бы старины. Пользуйтесь доходом с неё; берите за неё плату. Пусть хоть продаётся зрелище красоты, но пусть оно всё-таки существует. И в этом сознании красоты мы почувствуем, что и в нашей серенькой жизни мы окружены не одними только гнетущими буднями, а много около нас крупного и прекрасного, которому мы не сумели ещё отвести надлежащее место.

В древнем рижском соборе св. Петра, полном гробницами и гербами, послушайте орган в вечернее время, и покажется вам, как наполняется собор тяжёлыми шагами рыцарей, за ними станут искусные цехи, купцы и граждане. Зablестит металл, засверкает парча и нагрудные цепи. Старое, художествен-

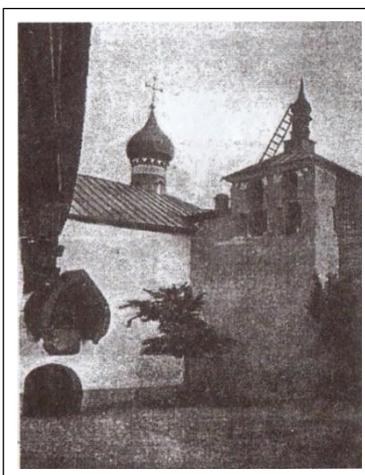
ное целое отбросит вас далеко от современности, и с высоты, на минуту, взгляните потом на муравейник наших хлопот.

Но нам ли искать красивое? - до того мы ленивы и нелюбопытны, что даже близкий нам красивый Псков и то мало знаем.

Пещеры. ризница и вход в пещеры. (Фотография 1903 г.)

Никого не тянет посидеть на берегу Великой перед лицом седого Детинца; многим ли говорит что-нибудь название Мирожского монастыря, куда следует съездить хотя бы для одних изображений Спаса и Архангела в приделах. Старинные башни, рынок под Детинцем, паруса и цветные мачты торговых ладей - как всё это красиво, как всё это близко от столицы. Как хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащие самым прозаическим назначениям, вроде склада мебели и кладовых. И как мало известно большинству, кислому будто бы от недостатка новых впечатлений. Если и Псков мало знаем, то как же немногие из нас бывали в чудеснейшем месте подле Пскова - Пещерах? Прямо удивительно, по вековому покою, по интересным строениям мало что сравняется во всей Средней Руси. Стены, обитые литовцами, сбегают в глубокие овраги и бодро шагают по кручам. Церкви XVII века, деревянные переходы на стене, звонницы - всё это, тесно сжатое, даёт необыкновенно цельное впечатление.

Пещеры. Старая звонница, испорченная пристройкой. (Фотография 1903 г.)

Можно долго прожить на этом месте, и всё будет хотеться ещё раз пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданиями красного и белого цвета, ещё раз захочется пройти закоулком между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдут богомольцы; из которой-нибудь церкви будет слышаться пение, и со всех сторон будет чувствоваться вековая старина. Особую прелесть Печорам придают полуверцы — остатки колонизации древней Псковской земли. Каким-то чудом в целом ряде посёлков сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говор, очень близкий к лифляндскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и браслетов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Полуверки под Псковом. (Фотография 1903 г.)

Издали толпа — вся белая: и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком чёрной тесьмы. Странно подумать, что так близко от нас, презирающих всякую самобытность, ещё уцелела какая-нибудь характеристика, и несколько сот полутёмных людей дорожат своими особенностями от прочих. Часто говорится о старине и, в особенности, о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть ещё переехала старину железная дорога, не так ещё далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли ещё может жить старина, песни, костюмы и пляски? Не об этом нам думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы в шагах цивилизации не уподобляться некоторым недавним просветителям диких стран с их тысячелетнею культурой. А много ли делается у нас в пользу старины, кроме запрещений разрушать её?

Поговорите с духовенством; поговорите с чиновничеством и с полицией и увидите, какие люди стоят к старине ближайшими. Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они вам на памятники, близ которых их бросила судьба, и которыми они могут наслаждаться, — нет, они, подобно захудалому мужичонке, будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их пониманию не доступных: и карты, и сплетни куда важнее для них всей старины вместе взятой.

Откуда же тут возьмётся здоровая почва? Откуда сюда придёт самосознание? И мы готовы говорить хоть по-африкански, лишь бы не подумал кто, что своё нам дороже чужого. Старшее поколение, не имея в руках археологии русской, которая занимает своё место лишь за последнюю четверть века, мало

знает старину; молодёжь почему-то считает старину принадлежностью стариков. И как выйти из этого заколдованного круга? Каким путём удастся нам полюбить старину и понять красоту её - просто неведомо.

Предвижу, что археологи скажут мне: дайте денег, укажите средства, ибо монументальные сооружения требуют и крупных затрат. Но не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников ясно свидетельствует, что если является интерес - найдутся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, любви. И покуда археология будет сухо-научною, до тех пор без пророчества можно предсказать отчуждённость её от общества, от народа.

Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и всё-таки она может вовсе не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу и всё-таки в нём может не быть духа живого, и всё-таки оно будет мертво. Как в картине весь её смысл существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в каких-то не поддающихся формуле чёрточках, так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьём. И без этого чутья, без чувства красот исторического пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти разговоры будут нелепой тарбарщиной.

Не о лёгком чём-то говорится здесь. Слов нет, трудно не утратить чувства при холодных основах знаний; много ли у нас профессоров-наставников, в которых горит огонь живого слова?.. Часто, раз только речь касается чувства, получается полная разногласица, но наученным опытом нельзя бояться её, - всегда из массы найдутся немногие, которым чувство укажет правду и на этой правде закопошится общий интерес, а за ним найдутся и средства, и всё необходимое.

Бесспорно, за эту четверть века много уже сделано для дела старины, но оправдания для нас в этом нет, и ещё гораздо больше остаётся впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дело старина, чтобы сдать её в археологические и архивные комиссии, и справлять триумф её пышными обедами археологических съездов, да на этом и почить. Всё больше и больше около старины накапливается задач, решить которые могут не одни учёные, но только в единении с художниками, зодчими и писателями.

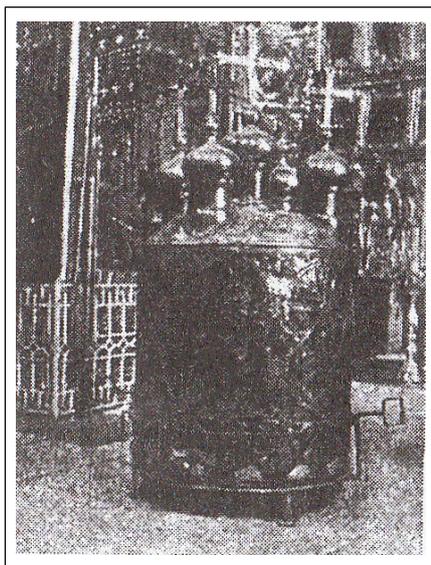
В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращёнными понятиями, и старина, правильно понятая, может быть доброю почвой не только научной и художественной, но и оплотом жизни в её ближайших шагах.

Я могу ожидать вопроса: «Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?»

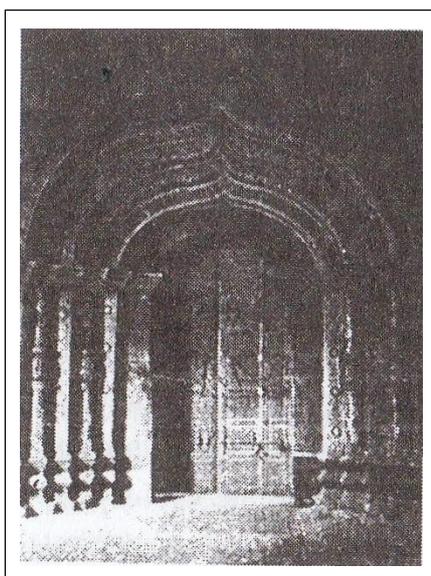
Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора светским людям скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели ещё отвести должное место, что заменит серые будни весёлою, красивою жизнью. Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение её. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербо-

вать новые молодые силы в дружину ревнителей старины, - пока, наконец, этот порыв не перейдёт в единодушное, национальное движение, которым так сильна всегда наша могучая Русь.

Зодчий. 1904. 25 июля. № 30. С. 343-346, ч/б фото: с. 343 — Старая звонница в селе Сыдно под Изборском; с. 344 — Печоры. Ризница и вход в пещеры; Печоры. Старая звонница, испорченная пристройкой; с. 345 Полуверки под Псковом; Евфросиниевский монастырь в Суздале; Большой фонарь Суздальского собора на 200 свечей. Высота 1 саж. 6 верш.; с. 346 — Двери в церкви Воскресения на Дебрях в Костроме.

Большой фонарь Суздальского собора на 200 свечей, высота 1 саж. 6 верш.
Фотография.

Двери церкви Воскресения на Дебрях в Костроме.
Фотография

ИЮЛЬ

**1 Июля [1904 г. Пароход Тверь – Углич]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих.**

1 Июля 8 час. утра

Переспал ночь недурно. Всё едем и едем, скучные берега. Сейчас будем стоять 2 часа в Савелове. Со мной в каюте оказался опять славный старикан. Разговорились. Оказалось, кто бы думаешь? Д-р Смоленский. Просил Тебе кланяться. Он очень симпатичный. Пожалуй, лучше Рериха.

Научил меня, что обратно из Калязина надо ехать на лошадях на Кашин, а оттуда через Бологое – так ближе. Как трудно у нас попадать даже в ближай-шие пункты.

Смоленский сказал, что осмотреть в Кашине.

Если бы с Мисем, я бы нисколько не жалел день протащиться по черепаши, а одному трудно. Всё-то хочется поскорее. Боюсь, что и в работе буду торопиться.

Видишь Мисик, я всё о Тебе думаю и ношу при себе бумажку, чтобы приписывать. Утром съел 1/2 порц. икры, но какая-то жидкая.

Как же быть теперь с пряниками? Ведь на Тверь не вернусь.

Место на редкость плоское, неинтересное. Ещё 12 часов тащиться!

12 1/2 час.

Стоим Савёлове. Опоздали. Хочется спать. Ветрено. Будем со Смоленским есть уху.

4 часа. Всё тащимся. Был бы Мисик, как бы мы говорили, мечтали. Поцеловались бы. Милый мой. Славный.

Вещи все сейчас уложил точно и к приезду в Углич ближе, а ещё по расписанию 5 часов, а мы с опозданием.

10 час. вечера. Углич.

Первое впечатление лучше, чем [от] Романова-Бор[исоглебска]. Масса старых церквей, так что, пожалуй, на Калязин и времени не хватит. Масса интересно-го. Завтра с пяти часов за осмотр и за работу. Этюды все будут довольно забелённые.

Гостиница чистая, N – рубль. На пароходе за всю еду взяли 5 руб. Подорожную теперь буду есть. Очень рад, что попал в красивое место. Жалко Мисика нет. Пошлю в 5 часов письмо. Сейчас спать.

Крепко, крепко целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/392, 2 л.

Н.К. Рерих. Углич с Волги. 1904.

2,[3] июля [1904 г., Углич]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Вечер 10 часов 2-го Июля

Миленький, дорогой мой – знаешь, сегодня я писал этюды 8 часов. 3 часа утром с 9 до 12 и 5 часов с 2-7 вечера. Написал внутренность - маленький и большой сложный, - всю внешность церкви. На завтра оставляю тоже два, один малый и другой большой. В 3 дня управлюсь с Угличем. И тогда через Калязин и Кашин домой. По дню на оба города. Дворец Димитрия мало интересен, но положение нескольких церквей просто прелесть. Обидно, что сильный ветер, не везде можно писать. Ел сегодня собственно один раз. Комната у меня хорошая и даже без местных обитателей. В Угличе есть старые дома с изразцами. Но всё-таки устал я сильно; спина болит. Монет купить не придётся. На днях приезжал специальный скупщик, вывесил объявление и всё покупил. А были, говорят, интересные. Не представляю, когда Ты получишь отсюда мои письма, и когда я получу. Завтра утром пойду на почту – узнать.

Сейчас буду спать. Встану в 7 часов. Сегодня встал уже в 6 часов. Что-то Ты делаешь? Как глаза и прочее? Сегодня мужик, что носит ящик, после второго этюда сказал: ну, барин, и здоров же ты работать, я даже ничего не делал и то устал сидеть.

Поцелуй на ночь своего Майчика. Скучно Мисикам.

Встал вместо 7 в 7 1/2 . Сейчас стакан чаю и писать, писать.

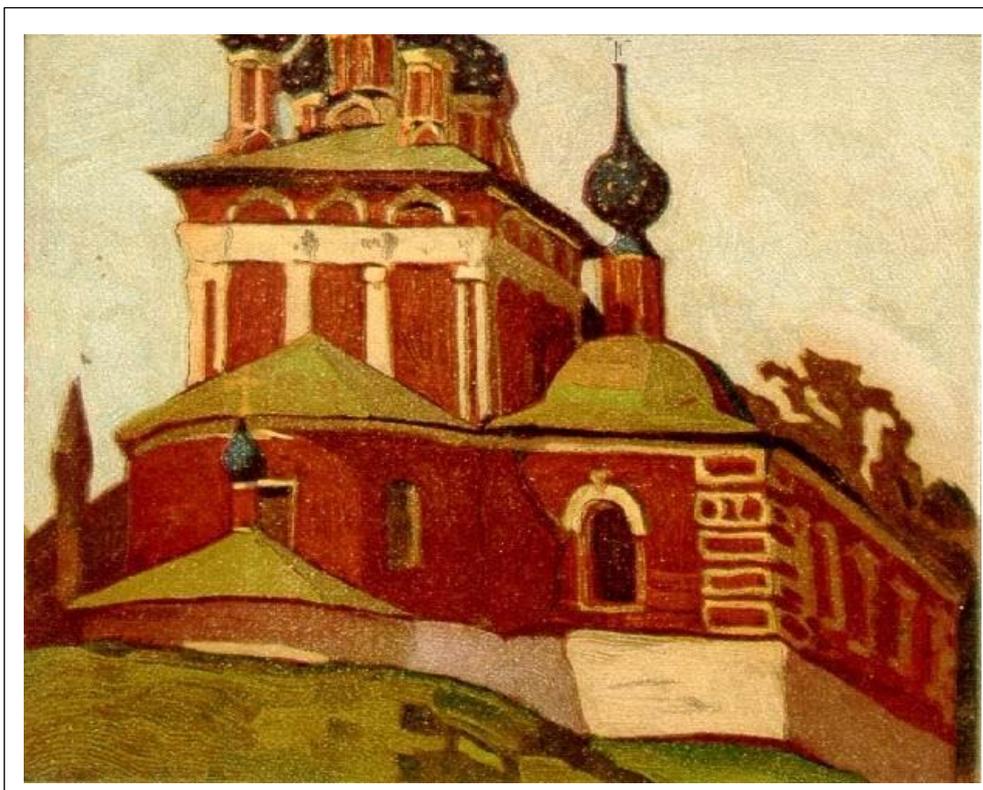
Как хочется знать, что-то мой трогательный Мисик делает, как ему чувствуется, думается. Я ведь Тебя очень люблю, больше всего. И моё помышление связано с Мисем.

Мне кажется, что Ты будешь получать эти письма, уже когда я буду тянуть на Калязин и дальше.

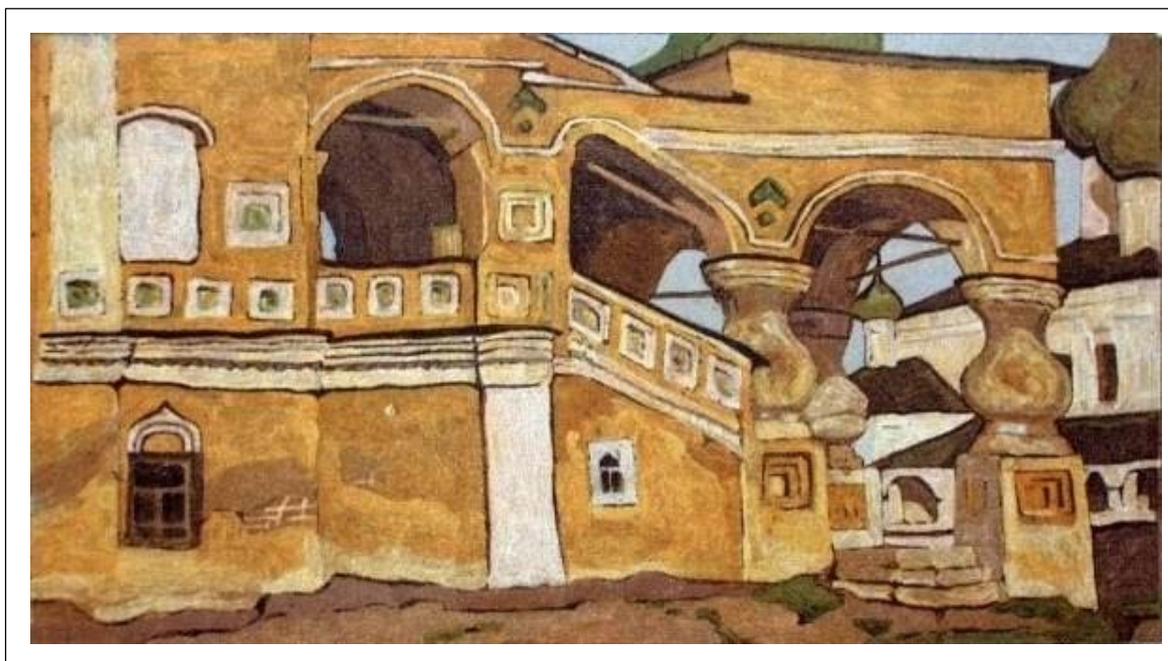
Несут чай. До свидания.

Прислуга до того напоминает Сашку воровку, что всё время как-то неловко, а вдруг она! Спросить тоже неловко.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/457. 2 л.

Н.К. Рерих. Углич. Церковь царевича Дмитрия. 1904.

Н.К. Рерих. Углич. Крыльцо церкви Иоанна Предтечи. 1904.

6 июля 1904 г. Углич
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Сегодня в воскресенье что-то не заладилось с этюдами. Даром прошёл 8 вёрст в монастырь и там всё подновлено и писать нечего. По жаре тащился, уже 10½ часов, а ещё этюда не написано, досадно. Вчера проработал 9 часов, написал 3 этюда, из них один пятичасовой большой.

Сегодня в 8 час. вечера выезжаю в Калязин и, через Кашин, обратно. Но вот история, до сих пор не получил ни одного Твоего письма, а посылаю уже пятое. Впрочем, с трудом представляю, когда Ты мои письма можешь получать.

Здесьние пути сообщения чёрт знает что такое. Надеюсь, день быть в Калязине, день в Кашине и тянуть домой. Значит, несмотря на всю длину дороги, пробуду не более недели.

Ценит Мисик мои старания. Всё, чтобы и с Мисем скорей быть, и в работе успеть. Тоже по 9 часов просиживать на складном стуле – чувствуется ломота во всём теле. Сегодня придётся очень худо ночью спать. От 8, или вернее, с 10 до 2 час. , на пароходе, а потом в Калязине где-нибудь в N, ибо монастырь на другой стороне и ночью не знаю куда переезжать.

Купил двух каких-то каменных человек, или вернее, два рисунка по камню, найденные на Волге – древние. Сегодня перед отъездом пойду смотреть какие-то стулья с орликами. За 50 к. купил какой-то флакончик, а [на] дне Петровский орлик.

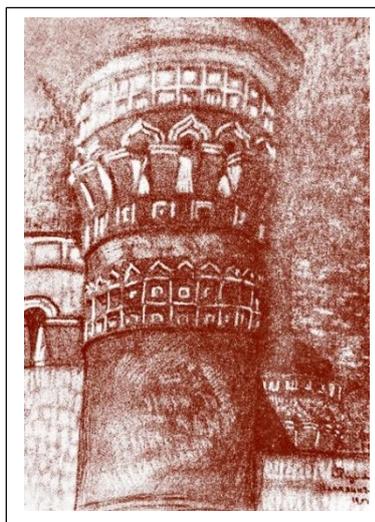
Сейчас буду укладываться. Напишу ещё один этюд с Угличем.

Странно, что писем нет. Прислал ли Васильев деньги? Спрашиваю, а ответить-то Тебе уже некуда. Значит, до дому.

Крепко, крепко целую моего трогательного Мися. Ужасно боюсь, что 6 этюдов мало на Углич, но времени не терял. Ем очень мало теперь. Жарко, не очень хочется. Вино не открывал.

Юшку и Мульку целую. Милый, славный Мисик.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/391, 2 л.

Н.К. Рерих. Калязин. Этюд монастыря. Башня. 1904.

**[Вторая половина июля 1904 г. Москва-Звенигород]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Брестский вокзал

8 час. 10 мин.

Дорогой мой, миленький Мисик. Сажу на Брестском вокзале за тем самым столом, где мы сидели. Пью чай. Через ½ час. еду на Голицыно. Этюдник упал с извозчика – но ничего не сделалось.

[Звенигород]

9 час. вечера. Сейчас поважусь спать. Устал очень. Написал два этюда (один сносный, другой плохой) и подготовил рисунок третьего большого. Буду писать завтра с утра. Все-таки симпатичный монастырь. Есть уют и монахи лучше. Целый этаж завален при Никол. Павловиче – вместо ремонта, просто засыпали. Было жарко.

Гостиница хорошая и даже с поварской хорошей едой.

Если завтра не будет дождя – вечером же выеду. Тыченино на Риги-Орловской дороге и потому еду на Смоленск.

Буду ждать там письмеца. Чувствую что надоело писать эти спешные этюды - хочется к картине.

Пожалуй, это облегчит переезд в город.

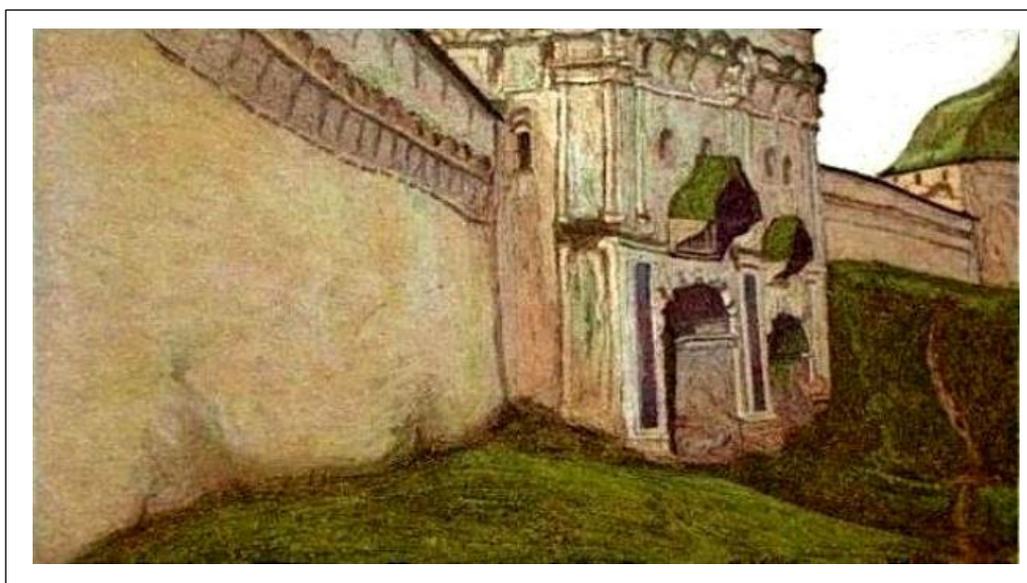
Надо делать постель. Завтра хочу встать в 6 часов. В общем Звенигород у Введенского понравился теперь меньше.

Напиши, Мисик, письмо. Ужасно буду рад. Попробую сейчас отправить. Дойдет ли?

Юшку и Мульку целую, а Тебя крепко.

Н.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/422, 2 л.

Н.К. Рерих. Звенигород. Священные ворота. 1904.

(Воспроизведено на открытке)

*(Около 21 июля 1904 г. Звенигород)
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.*

Миленький Мисик.

Какой я был идиот, пропустив два хороших дня – дождь льёт проливной. Написал под дождём этюд, вышел недурной, но при лучшей погоде мог бы быть великолепным. Ужасно обидно. Сейчас ещё сделаю рисунок, и больше ничего не сделать. И то промок, по палитре вода лила ручьём, с зонтика капало. Этюд весь мокрый, - ещё не знаю, пожалуй, почернеет.

Спал хорошо. И теперь только обидно, что сижу рядом с возможностью закончить хороший этюд, а на небе ни одного просвета. Какая-то у Тебя погода? Верно, тоже дождь. Это не лето, а чёрт знает что.

При таком дожде даже тупым каким-то становишься. Такая злость разбирает. Вчера говорил с очень симпатичным стариком монахом Евфимием. Рассказывал про монастырь, так любит старину, просто прелесть. Прощаясь говорит мне: «Вы, должно быть, очень хороший человек. Приятно побеседовать».

Надеюсь в Смоленске найти письмо от Тебя. Я Тебя очень люблю, миленький Мисик. Теперь, если бы и Ты была. горевали бы вдвоём, и скучно не было.

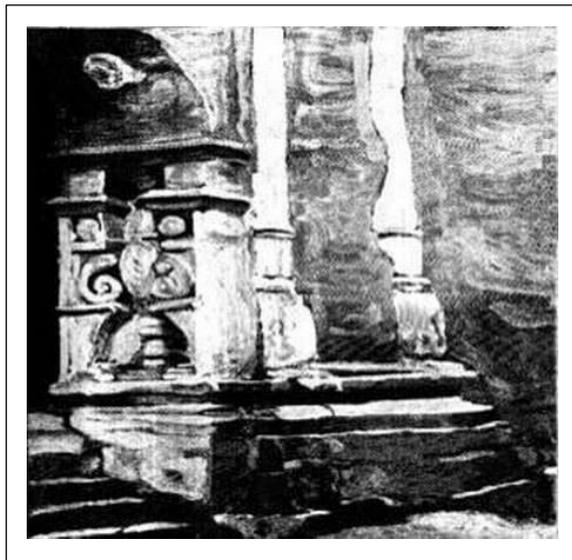
Попробовал опять писать. Писал 1¼ час. и опять такой дождь грянул – всё бросить пришлось.

Всю дорогу ехал под дождём. Выезжаю в 11 ч. и в 11 утра буду в Смоленске. С 9 ч. до 11 ч. придётся сейчас сидеть на грязной станции. Только бы зубы не разболелись, сегодня прямо редкостная сырость. Палитра так разбухла, что с трудом упихал в ящик. В монастыре масса богомольцев. Очень красив иконостас собора. Весь убран басмою и тёмные фигуры святых в прорезях. Басма даёт приятный блеск. Живопись, верно, тоже была хорошая.

Целую крепко Мисю милого моего. Ужасно страшно за все мои Смоленские надежды.

Мульку, Юшку целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/390, л. 2.

Н.К. Рерих. Звенигород. Саввин-Сторожевский монастырь. 1904.

Письмо Нечаева-Мальцова Ю.С. к Рериху Н.К.

Москва 19 Июля 1904

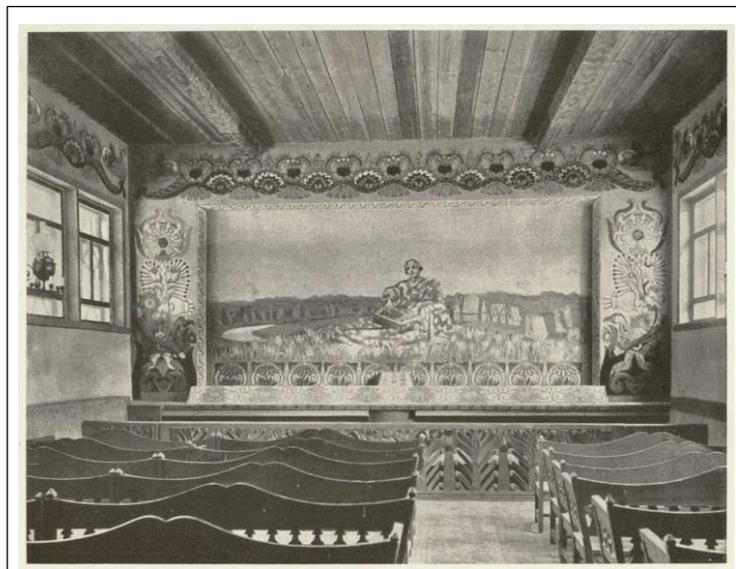
Многоуважаемый Николай Константинович,
Не знаю что ответить Столыпину, а <....> принесли бы что-нибудь вдове.
Не поставьте себе в труд снести с нею.

Вам преданный

Нечаев-Мальцов.

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1068 1л.

22 июля 1904 г. Талашкино.

Интерьер театра в Талашкине.

(Фотография 1903 г.)

[22 июля 1904 г. Смоленск. Талашкино]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

Милый Мисик. Пишу вечером в Талашкине. Тут целый содом – ставят оперу. Шум, масса людей. Княгиня очень мила. Все говорит l'union fait la force. [“В единении – сила” (фр.)- ред.]. Сама сказала, что хочет познакомиться со Щербатовым, чтобы составить компанию для общих действий. Весь “Мир иск[usstва]” бранит, обижена, что о выставке её ни слова. Да и верно. Никаких разговоров сегодня не было. Может, по-видимому, получится крупное и полезное искусству дело.

Кто страшно портит впечатление, это нахалка Кармин – просто не отделаться от неё. Бездарность и нахалка.

Княгиня советует выставлять только за границей. Говорит, что у неё есть подходящий человек в Париже. Отобрала несколько тканей – это, говорит, хозяйшке снесите. Слышала, что она у вас хорошая.

Здесь 3 Медема, Бер (дирижёр из Москвы), Фомин (композитор), Стеллецкий, Борщевский и др. Работа так и кипит.

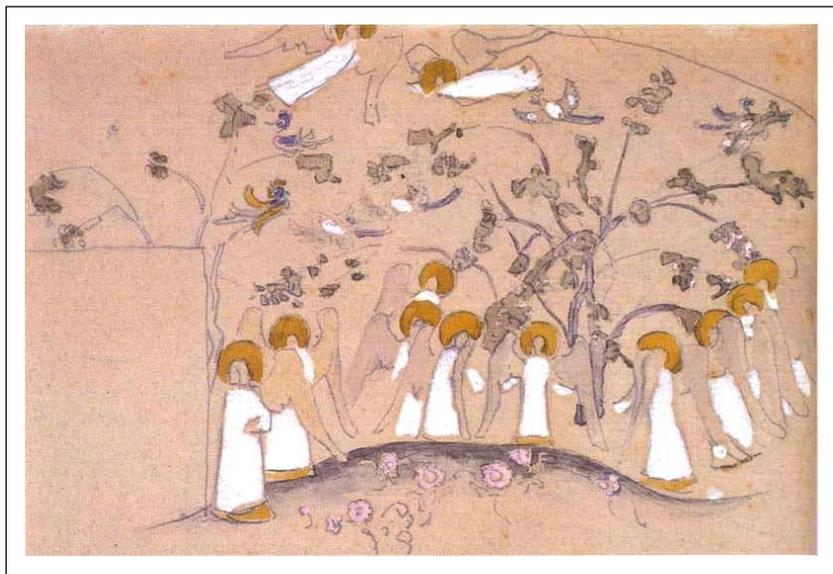
Жалею, что Тебя нет. Атмосфера хорошая и Тебе непременно побывать следует. Сегодня именины княгини. Подымали крест в церкви. Отделка года на два отложена из-за двух трещин в стенах – оплошность архитектора. Надо выстояться.

В церкви будет райский сад с архангелами. Устал жестоко, сейчас второй час ночи. Была музыка, репетиция оперы. Сами делают костюмы, декорации и прочее. Несколько раз повторяет l'union fait la force. А ведь какая сила княгиня, Щербатов, Мекк, и всё само делается. Как двинуть можно и толкнуть искусство. Крепко целую. Жалею Тебя нет.

Мисик уже спит, а Майчик о Мисике думает и строчит.

Отдел рукописей, ГТГ, ф. 44/438, 1 л.

«В церкви будет райский сад с архангелами...»

Н.К. Рерих. Райский сад с архангелами. 1904.
(Эскиз росписи для храма в Талашкино)

[22-24 июля 1904 г. Талашкино]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Милый, славный, трогательный Мисик.

Утро. 7½ часов. Уже встаю. Солнце. За ночь передумал разные вещи и с Мисем не мог порешить! Ведь это крупнейшее дело в искусстве, такое единение таких единиц. И, наконец, мне без всякого к ним служебного отношения можно будет служить искусству и широко двигать его. Хорошо намечается.

Здесь я на каком-то особом положении. С меня подают.

Княгиня рассказала всю историю аукциона и разных её дел. При Стеллецком умолкает, говорит: он не установился ещё, ему не понять. Спрашивала

о церкви своей моё мнение. Сегодня ещё разговор будет. Прямо просила передать хоть небольш. собрание каменного века – у ней ничего нет и даже за деньги нельзя достать. Хотела бы сделать первобытную комнату, но именно этот отдел самый немногочисленный.

Как-то Ты там живёшь?

Повезёт в Смоленск показывать здание Музея. Борщевский старик влюбился в Кармин. Чёрт знает что такое. Княгиня ужасно возмущается.

Вечером. После репетиций. Идёт сказка о 7 богатырях. Поставлена чудесно. Костюмы из Музея. Как мужичков вымуштровали – прелесть.

Отчего и сегодня письма Твоего нет – верно, завтра будет. В воскресенье уезжаю. Наверно не отпускать станут, но уеду наверно. В Понедельник вернуться и толком всё расскажу Мисику. Завтра будет разговор о рисунках. Знаешь, фриз наполовину облетел. Княгиня сегодня спрашивает нет ли у меня акварели, ибо ей необходимо иметь мою акварель, чтобы подарить в Русский Музей. Непременно хотела опять Заморских Гостей. Я сказал, что их делал 6 раз и это мне надоело, затем хотела купить Древнюю Жизнь.

В Мире Иск. перепечатана вся Мёртвая петля с ехидными примечаниями. Надо написать ответ. Мне очень скучно без Мисика. Непокойно, что-то дома творится. Княгине очень нравится последний мой Звенигород. Этюд. Говорит: это мой. Что это значит? – не знаю.

Скоро увижусь с Мисем, поговорим, поцелуемся. Милый!!!!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/397, 1 л.

Интерьер жилого помещения в Талашкине.
(Фотография 1903-1905 г. г.)

28 Июля 1904 г. с. Берёзки.

ТАЛАШКИНО

Записные листки художника.

Обеднели мы красотой. Из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло всё красивое. Крупницы красоты прежних времён странно стоят в нашей жизни, и ничто не ведут за собою: даже невероятно, но это так. И говорить об этом старо.

Стыдно: в каменном веке лучше, чем мы, понимали потребность и значение украшений, их оригинальность. Лучше и не вдумываться в украшения древности, гончарство, шитьё, резьбу... Проще сожалеть далёкое, дикое время и кичиться прогрессом.

Красота для нас – пустой звук; непонятный и стыдный. Что-то неподобающее. Не нужна красота там, где живёт всевластная, всезаразительная пошлость; там, где пошлостью и видят и чувствуют. Не от столиц ждать путей красоты. Не от их одиноких музеев, не от выставок – торжищ искусства. Всё красивое здесь теперь гость случайный. Из этих мехов не бежит живая вода, и может прийти она издалека, от самой земли. Вершина и корень. Венец и основа засветят свет красоты на гибель середине.

Хорошо слова, но нужно дело. Нужен пример. Последнее время уже и у нас есть попытки пробить свежие родники. Сейчас я от родника. Бьёт в нём не сухая подделка под старину, а сила живой красоты, идущей новой дорогой. Тою славною дорогой к новизне, которую проложила старина, и единая основа которой разлита во всех царствах природы; птицы, животные, бабочки, цветы, камень... Сколько очаровательных красок, сколько новых неиссякаемых линий. Не материала искать нам, а искать чистоту глаза, непосредственность взгляда и свободу руки.

В Кривичах смоленских, на великом пути в Греки есть родник красивого. Совсем особенное это место. Дело широко открыто всему талантливому, всем хорошим поискам.

Сам Микула вырывает из земли красоту жизни. Крепкою основой ложится красота в жизни земли; освещает убогую жизнь деревни и передаёт живое зерно многим поколениям.

Какая радость! Опять нужна красота, опять жизненны украшения, опять горит во всяком деле сознание красивого, чистого, хорошего.

Удивляются успеху села Талашкина. Удивляются «некоторые», чем нравятся, почему расходятся изделия его школы? Но это одно из лучших знамений нашего времени. Такие бреши в плотном строе пошлости дают надежды на будущее. Почему за границей оценили Талашкино? Почему открыты для него сердца нашей лучшей молодёжи? Почему сочувствует всё старое, если свободно от предубеждения? Почему верится в будущие шаги дела, в постоянный рост его?

Не может не вызвать сочувствия дело, построенное на истинно культурных началах. Должна чувствоваться основа, проверенная лучшими показателями старины и современного Запада, руководимая не сухим теоретиком, а способным художником, как кн. М.К. Тенишева. Большая её заслуга. Видно, не случайно двинулось и разрослось дело Талашкинских школ и музея, а вынеслось душевною потребностью, сознанием твёрдой и правой почвы.

И зёрна уже растут. Широко расходятся вещи обихода, без фабричного штампа, досужно и любовно сделанные народом. Снова вспоминает народ заветы дедов и красоту и прочность старинной работы. У священного очага, вдали от городской заразы, создаёт народ вновь обдуманые предметы. В молодёжи зарождаются новые потребности и крепнут ясным примером. Некогда бежать в винную лавку, некогда горланить и биться, когда нужно разучить поэтические слова пушкинской сказки о Царевне и семи богатырях.

Какое это чистое ликование! Как бегут после работы под вечер от кос и граблей к старинным уборам; как стараются сказать, как двигаются в танцах и играют в оркестре. С какой неохотой встречают ночь и конец. Это уже не слова, а дело со всею паутиною всесторонней красоты, которая даст иной подход ко явлениям жизни. Сколько проливается бессознательно красивого, непосредственного. Только что любовался таким представлением. Был участником шумной радости. Только что опять дивовался вышивкам выдумки и работы крестьянок; смотрел сильную резьбу и Талашкинской школы; опять отдыхал в музее среди превосходных образцов.

Великая радость ожидает Смоленск. Скоро музей из Талашкина поместится в городе в особом доме для общего пользования. Заботливо собраны в этой палате чудесная резьба, эмали, иконы, чеканки, шитье ... Между старинными вещами займут должное место работы новейших мастеров, несравненные уники Лялика, Фаллиза, Тиффани и многих других. Богатая палата, княжая палата!

Посчастливилось Смоленску. Лишь бы сумел он как следует обойтись с этим именитым гостем. Первые движения Смоленска неудачны: он предпочитает разрушать свои стены и башни и выгребать песок из-под них, но дать место в башне Музею находит негодим.

Дорого сознавать, что и у нас есть широко поставленный родник красоты жизни, крепнувший в неожиданном единении земляного нутра и лучших слов культуры. В стороне от центров, вне наших барышей и расчётов делается большое дело, хорошее и красивое.

Так вспоминается Талашкино.

Н. Рерих.

28 Июля 1904 г. с. Берёзки.

Весы. 1904. № 9. Сентябрь. С. 36-38. (Рукопись очерка хранится в ОР ГТГ, ф. 44/60, 3 л.)

30 Июля 1904 г Выборг.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Б.К.

Петербург. Васильевский Остров, 16 линия. Дом № 15.

Борису Константиновичу Рерих

Дорогой Боря,

Спасибо за письмо. Поздравляю с 24-м, не писал, ибо как раз это время был в переездах около Звенигорода и Смоленска. Только вчера вернулся. Курганы без разрешения лучше не копай - не попасть бы в неприятность. Вернусь, так обдумаем, как лучше быть. Очень хорошо провёл время в Смоленске. Ви-

дел кучу интересных вещей. На охоту почти не хожу - долго посылать. Назначать день, а затем отменять из-за дождя. Это скучно.

Вернуться в СПб. думаю около 20-го Авг. Уже справляются из Общ. когда ожидать меня. Написал в общем десятка два с половиной этюдов. Есть удачные. Есть новые записи картин. Выставлять теперь решил не скоро. Не стоит. Хорошо, что уже тренируешься в рисунке; нынче результат должен быть без осечки. Хотя от этих свиней академ. професс. всего ожидать можно.

Как здоровье мамы? Хорошо ли подействовал Кавказ? Я вот от них не имел ни одной записки, так что думал, что дошли ли мои письма. Попроси, пожалуйста, маму послать мне теперь 125 руб. Перед переездом нужно будет. Послать лучше по адресу Ник. ж. д. Ст. Бологое. Княжне Евдокии Васильевне Путьяиной. А то иначе мне придётся за получкой ехать в уездный город, ибо на Академической заказных и денежных писем не выдают. Не собираешься ли побывать у нас? Посмотреть озёрную область. Может быть и мама приехала бы. Ведь путь, не Бог знает какой! Следует написать раньше 2 насчёт лошадей.

Юрик здоров. Болтает без удержу. Особенно смешное впечатление производит на него охота. Кричит во всё горло: охоня! (охотник), Крак! (собака), Гага пук! (стрелять гагару). Я убил белку и снял шкурку, - это очень ему понравилось.

Крепко целуем маму и Лилю. <...> Напиши ещё
Твой Н.Р.

30 Июля 1904 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/129, 2 л.

Юрик Рерих. 1904 г.